

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию КУЛИКОВОЙ Марии Сергеевны на тему: «Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертационное исследование Куликовой Марии Сергеевны на тему «Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”» имеет несомненную актуальность для отечественной юриспруденции. В первую очередь – в свете главных целей и задач, предопределяющих смысл исторической составляющей научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, связанных с сохранением интеллектуального наследия мировой юридической мысли, его проблемной реконструкцией и переосмыслением, актуализацией в современном научном дискурсе. Как справедливо отмечает сам автор, как взгляды Г. Канторовича, так и в целом воззрения представителей движения свободного права упоминаются в отечественной литературе достаточно скромно, а его работы изучены недостаточно и не переведены на русский язык (стр. 4–5). Следует, однако, подчеркнуть, что причины этого вовсе не связаны с уровнем или содержанием идей Г. Канторовича – речь в данном случае идет о нормальном процессе восполнения своего рода исторически обусловленных «естественных пробелов» в соответствующей области знаний, как это было в свое время в случае с иными зарубежными авторами прошлого, недостаток внимания к трудам которых был преодолен много позже их первоначальной публикации. С самими авторами можно соглашаться или не соглашаться, однако критическое переосмысление их трудов с позиций современной отечественной юриспруденции, несомненно, является необходимым условием развития юридической науки.

Выбор темы, связанной с реконструкцией идей определенного мыслителя, налагает на автора диссертации особые требования в части работы с источниками. Как справедливо отмечает М.С. Куликова, «в российской правовой науке отсутствуют комплексные, многоаспектные исследования идей Германа Канторовича. Объем научной литературы, упоминающей Г. Канторовича и отсылающей к его работам, как правило, ограничивается кратким обзором основных тезисов движения свободного права» (стр. 7). Устранение данного пробела и стало одной из главных задач автора диссертации, положившего в основу источниковой базы работы Г. Канторовича на английском и немецком языках и, кроме того, что особенно ценно, неопубликованную переписку Г. Канторовича с другим известным правоведом XX века – Г. Радбрухом, которая мало доступна российскому исследователю и изучалась М.С. Куликовой непосредственно в архиве Фрайбургского университета во время ее научной стажировки в Институте фундаментальных правовых исследований им. Германа Канторовича при Кильском университете. Уже одно это обстоятельство выделяет данную работу из многих диссертаций по теоретико-историческим правовым наукам, однако и в остальной части источников автор демонстрирует высокий уровень – список использованной литературы выглядит достойно, включает в себя оригинальные труды Г. Канторовича, а также необходимый и достаточный круг интерпретационных работ, касающихся как исследуемого автора, так окружавшей его общей интеллектуальной среды.

Следует высоко оценить структуру и общую композицию работы. Первая, вводная глава «Герман Канторович – основоположник школы свободного права и его программный Манифест “Борьба за науку права”» знакомит читателя с творческой биографией исследуемого автора и предваряет (а в отдельных случаях – и не предваряет, а осуществляет) поставку содержательных научных проблем, интерпретации которых посвящена вторая глава – «Место юриспруденции в системе наук. Методология определения понятий в учении Г. Канторовича. Определение понятия права». Вторая глава исследования системным образом раскрывает основные представления Г. Канторовича о природе юридической науки и права, раскрывая вопросы от его представлений о месте юриспруденции в системе социально-гуманитарных наук до места права в системе правил поведения. В третьей главе «Концепция судебной методологии» автор анализирует взгляды Г. Канторовича на разновидности права, метод «свободного нахождения права» и образ идеального судьи, тем самым, актуализируя представления мыслителя для современного дискурса судебного толкования. Особое значение для работы имеет нетривиальная четвертая глава «Эволюция и преемственность идей свободного права», в которой представлена попытка автора продемонстрировать, что значение историко-правовых (в смысле истории идей) исследований может выходить далеко за рамки сохранения интеллектуальной традиции и включать в себя, в том числе, анализ применимости его идей в реальной судебной практике более поздними (например, Б. Кардозо) или современными (например, Г. Корстенса) авторами. Уже в этой части автор переходит к применению элементов эмпирического исследования, включая анализ судебных решений с точки зрения методологии Г. Канторовича, а также описание особого мысленного эксперимента, который стилистически вполне соответствует тем мысленным экспериментам, которые встречаются у классиков зарубежной юриспруденции (включая Г. Харта, Л. Фуллера и мн. др.).

Необходимо подчеркнуть: в ходе непосредственного знакомства с текстом работы становится очевидно, что автор блестяще владеет литературным стилем, свойственным наиболее достойным работам по истории правовой мысли.

Если оценивать ключевые содержательные составляющие работы по существу, то можно прийти к следующим выводам. Методологическая основа исследования сформулирована автором кратко и ёмко, при этом – содержательно и без шаблонных повторов. М.С. Куликова обоснованно упоминает в качестве главного метод проблемно-теоретической реконструкции в том виде, в котором он был обоснован проф. Д.И. Луковской и используется в данной области знаний (и тем самым демонстрирует надлежащую научную преемственность), отмечает применение биографического и портретно-индивидуализирующего метода. С учетом особенностей содержания заключительной главы исследования автор отмечает метод мысленного эксперимента, широко используемый в теоретической юриспруденции и, что ценно, дает дополнительные обоснования использованию данного метода как во введении (стр. 9), так и в соответствующей четвертой главе исследования (стр. 171). К слову, помимо подобающей контексту серьезности работы, автором показано и редкое умение продемонстрировать уместную иронию – мысленный эксперимент включает отсылку к пчеловодству, а пояснение художественного оформления этого эксперимента – к Аристотелю, который «первым начал на научной основе изучать пчёл». Весьма вероятно,

особенно эту иронию оценят эрудированные юристы, поскольку пчелам уделялось необычное внимание в истории европейского права, в особенности включая период от «Салической правды» до Германского гражданского уложения.

По остальным составляющим работы какие-либо нарекания не усматриваются. Автор умело обосновывает актуальность темы исследования, демонстрирует степень разработанности темы, грамотно определяет объект и предмет исследования. Содержание работы соответствует поставленным целям и задачам и наглядно показывает реализацию методологической основы с учетом теоретической базы исследования. С учетом всех указанных обстоятельств можно считать обоснованными утверждения о научной новизне исследования (которая сводится не только к введению трудов Г. Канторовича в научный оборот, но и их глубоким, содержательным критическим переосмыслением, что показывает каждая страница и каждая подробная сноска исследования) и о его теоретической и практической значимости. Совершенно очевидно, что последующие издания трудов по истории политических и правовых учений будут учитывать публикации М.С. Куликовой, которые легли в основу её диссертационного исследования, как и само исследование, как это всегда бывает с достойными работами по предмету.

Основные достоинства работы продемонстрированы автором в основных положениях, выносимых на защиту. В то же время, именно в отношении ряда идей, которые утверждаются в данных положениях, могут быть сформулированы отдельные дискуссионные вопросы, которые при этом нельзя считать критикой работы, отражающей недостатки – речь идет о таких дискуссионных аспектах, которые могут помочь автору более ясно представить достоинства работы. В частности, в процессе защиты М.С. Куликовой предлагается дать пояснения по следующим вопросам:

1. Во втором положении, выносимом на защиту, указывается, что Г. Канторович «подразделял все науки на науки о реальности (sciences of reality), науки об объективном значении / о смысле (sciences of objective meaning), науки о ценностях (sciences of value)». Предмет юриспруденции, с его точки зрения, не мог сводиться лишь к одному из данных аспектов. В целом для Г. Канторовича было характерно использование терминологии, обращающей внимание на проблемы истории и методологии науки (например, в названии его работы «Немного рационализма о реализме»). Особенный интерес в этом разрезе вызывает словосочетание «объективное значение» («объективный смысл»). В свете таких тенденций, сопровождающих гуманитарные (и не только) науки в XX веке как «лингвистический поворот», социальный конструкционизм (на примере феноменологической социологии П. Бергера и Т. Лукмана) и – уже несколько позже – постмодернизм, соискателю предлагается пояснить, что именно Г. Канторович подразумевал под «объективностью» в данном контексте. По субъективному мнению рецензента, этот вопрос недостаточно явно раскрыт в тексте диссертации, однако он важен для установления правильной связи учения Г. Канторовича и концепций периодизации научного знания, в том числе о праве (в частности, типов научной рациональности и соответствующих им типов правопонимания).

2. В продолжение предыдущего вопроса следует обратить внимание на третье положение, выносимое на защиту, в котором небезосновательно утверждается, что Г. Канторович был в числе первых юристов, в трудах которых отражается «лингвистический поворот» (это лишь частично отвечает на предыдущий дискуссионный

вопрос). Эта часть учения Г. Канторовича крайне интересна и ценна с точки зрения проблем истории и методологии науки. Позже в тексте диссертации М.С. Куликова указывает, что, «по мнению Канторовича, фундаментальная ошибка, которая не дала результатов в бесчисленных исследованиях, в какой бы области они ни проводились, заключается в том, что определения рассматриваются как вопрос об истинном или ложном использовании языка, т.е. использование слов и словосочетаний рассматривается с точки зрения формы выражения в лексическом аспекте. Он пишет, что философы, вторгаясь в область грамматики, вступают в споры о словах, воображая, что занимаются спорами глубочайшей важности» (стр. 62). Критика такого стиля и содержания, действительно, характерна для тех авторов, которые серьезно отнеслись к лингвистическому повороту. Более того, она роднит Г. Канторовича в большей степени с «поздним» Л. Витгенштейном с его «Философскими исследованиями», чем с «ранним» с его «Логико-философским трактатом», упоминающимся в тексте. В то же самое время, такого рода тезис вполне может соответствовать и методологии аналитической юриспруденции, в том числе, в «редакции» Г.Л.А. Харта. Соискателю предлагается пояснить, в какой конкретно связи находятся (если находятся) идеи Г. Канторовича и методология аналитической юриспруденции, особенно в свете извечных сложностей во взаимопонимании между континентальной и англо-американской философско-правовой мысли. Отдельные косвенные свидетельства определенной позиции по этому вопросу упоминаются в тексте диссертации, но они представляются недостаточно ясными, а этот вопрос представляется важным для уточнения места, которое учение Г. Канторовича занимает в истории философско-правовых идей.

3. В четвертом положении, выносимом на защиту, автор пишет, что «представленная Канторовичем классификация права, в основу которой заложено разграничение права на две формы: формальное (два вида) и свободное (четыре вида), убеждает в наличии социального права в противоположность государственно установленному» (стр. 12). В связи с этим возникает потребность в двух уточнениях: во-первых, действительно ли, по Г. Канторовичу, социальное право каким-либо образом именно «противоположно» государственно установленному? Во-вторых, представляется необходимым задать и вопрос методологического характера: не следует ли из методологии самого Г. Канторовича, что вопрос именно о наличии социального права, в котором можно убедиться или тезис о котором можно опровергнуть, это не вопрос о факте, а вопрос о термине, т.к. нечто, условно называемое «социальным правом» существует в реальности так или иначе, вопрос только в том, называть ли это правом и включать ли это в область именно строгой юридической науки (что бы отрицали эксклюзивные юридические позитивисты, например, Е.А. Булыгин)? В этом же контексте, хотя это и расширяет объем дискуссионного содержания третьего вопроса, автору можно предложить дать пояснения по поставленным вопросам через призму извечной проблемы социологического типа правопонимания: что делать в реальных условиях, когда становится ясно, что «социальное право» находится в противоречии с официальными нормами, обеспеченными государственным принуждением.

Отдельно автору также предлагается дать дополнительное обоснование периодизации трудов Г. Канторовича как относящихся к Новому (а не Новейшему)

времени. Данный вопрос представляется несколько спорным, хотя и не принципиальным с содержательной точки зрения.

Все указанные вопросы носят дискуссионный характер и не влияют на оценку работы.

Если говорить об отдельных замечаниях технического и стилистического характера, то можно отметить, что в редакции работы, представленной к защите, встречаются отдельные опечатки (как, например, «Г. Кельзеным» на стр. 3), но, хотя обнаруживать их в работе такого уровня весьма досадно, от этого не застрахована ни одна самостоятельная научная работа такого уровня и объема, и они не могут влиять на итоговую оценку, в первую очередь, поскольку не влияют на ценность содержания защищаемой работы. В то же время, при работе над последующей возможной публикацией текста диссертации или его соответствующих частей, соискателю рекомендуется обратить внимание на данные аспекты.

Диссертация Куликовой Марии Сергеевны на тему: «Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Куликова Мария Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Председатель диссертационного совета
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный
университет»

Архипов Владислав Владимирович

15 августа 2023 г.